

МОЙ «БЕЖИН ЛУГ»

Рассказ

Воздух над аэродромом то и дело рвали мощные двигатели взлетающих пассажирских самолетов. Наш батальон, отправляющийся в одну из горячих точек, чтобы не мозолить глаза посторонним, расположился на границе летного поля, в стороне от здания аэропорта, между хозяйственными постройками.

Вообще-то, батальон создавался как учебная часть, но время внесло свои коррективы. Транспортный борт, который должен был перебросить нас в одну из южных республик, задерживался, и мы, теперь уже не слушатели высших курсов МВД СССР, а просто бойцы батальона МВД, хотя и в офицерских погонах, кто как расположились вдоль ангаров, прямо на нестриженной, но зато мягкой траве.

Недавно приезжавший замполит привез целый «Урал» бронежилетов и «демократизаторов», точнее, «изделий-РП», а говоря попросту, резиновых дубинок. Судя по всему, работа с местным населением по прибытии на место ожидалась плотной.

Также бойцам выдали сухие пайки, состоящие из жирной «Эстонской» колбасы и свежего хлеба, упакованные в обычные хозяйственные пакеты. Стандартных сухпаев, как и многого другого, в стране не хватало.

Едва дождавшись окончания наставлений замполита о запрете использования сухих пайков до прибытия на место несения службы и проводив взглядом его отъезжающую машину, бойцы приступили к трапезе.

Сейчас они, сытые и довольные, надвинув на глаза фуражки, посапывали, лежа в тени.

Услышав легкое прикосновение к щеке, я легонько хлопнул по ней ладонью, но поймал только пушистый стебелек ковыля, который раскачивался под теплым ветерком. Я сорвал былинку и размял ее в пальцах. Специфический запах степи защекотал нос. Степь... Все мое детство связано со степью.

Родился и вырос я в крупном промышленном городе, но с раннего детства помню, как каждое лето меня отправляли в деревню, к бабушке.

Милая, добрая женщина, ты и сейчас, как живая, стоишь в моей памяти возле калитки своего дома, прикрывая ладонью глаза от солнца, и всматриваешься вдаль, не идет ли по дороге твой давно уже выросший внук.

Игорь Петрович Зоткин родился в 1960 году в Омске. Окончил Сибирский автомобильно-дорожный институт по специальности «инженер-строитель». По распределению уехал в Республику Коми. Работал за Полярным кругом, в районе Усинска, обустроивал «нефтяные кусты» (промышленные зоны, где происходит добыча нефти). В должности директора предприятия вместе с вахтовым поселком прошел от Печоры до Варандея (побережье Баренцева моря). В южных районах Республики Коми, в непроходимой тайге, строил промышленные дороги для лесозаготовителей «Монди». Ранее несколько рассказов были переведены на язык коми и опубликованы в литературном приложении районной газеты «Парма гор» («Шум тайги»). Живет в районном центре Республики Коми с. Усть-Кулом.

Теперь мне стыдно за то, что я не могу даже точно назвать ее имя и отчество, для меня и младшей сестренки она была просто любимая бабушка, родители называли ее мамой, а соседи и односельчане — просто Пана, наверно, это Прасковья.

Теперь мне кажется, что все самые счастливые дни моего детства прошли летом, у бабушки.

...Компания деревенской детворы встретила меня дружелюбно; наверно, потому, что заводилами здесь были два моих двоюродных брата — Вовка Казаногин, уже взрослый по нашим меркам парень, лет четырнадцати, и Витька Грюканов, мой ровесник, лет одиннадцати-двенадцати. В сибирских деревнях, да, наверно, и не только в сибирских, родственные связи хотя и запутаны, но все же имеют немалый вес. Поэтому мое «приобщение к коллективу» прошло безболезненно. Лишь однажды мой одноклассник Леха, уже и не помню по какому поводу, вызвал меня «стыкнуться почестному», но это было легкое испытание, которое я при моральной поддержке братьев выдержал с честью.

Наша деревенская вольница, исповедуя нравы далеких предков, казаков Ермака Тимофеевича, не считала обязательным проводить ночь дома, в своих постелях. Родителей в таких случаях пацаны предупреждали, что пойдут, например, на Люсовы выпасы, ловить утят, или на Тарбугу (так называлась небольшая зырянская речушка, протекавшая километрах в десяти от нашей станицы), и родителям таких объяснений хватало.

Это было счастливое время, когда все люди еще были друг другу братьями и не было никаких чикатил, а о тех, что были, мы пока еще не знали.

Однажды мои родители приехали в деревню без предупреждения и почти сутки ждали моего возвращения с «прогулки»,

— Мама, ну как так можно? — пыталась моя мать пристыдить бабушку. — Он ведь еще ребенок,

— Ты, Тамарка, брось, чай, не девку растим, — тоном, исключаям возражения, отвечала бабушка, показывая приверженность в вопросах воспитания старой казачьей школе,

Отец, родившийся в семье хохлов-переселенцев, к таким порядкам был непривычен, он стоял в стороне и нервно курил одну «беломорину» за другой, считая не к месту вступать в спор. Город уже основательно пообтесал их с матерью.

— Ну когда он хоть придет-то? — спрашивала моя мама, делая вид, что идет на компромисс,

— Придет, не волнуйся, вот проголодается и прибежит как миленький.

Отец, поперхнувшийся дымом папиросы, чтобы как следует прокашляться, уходил за угол дома, а мама, понурив голову, принималась помогать бабушке в домашних хлопотах.

Летние ночи в Западной Сибири, особенно под утро, бывают довольно прохладны, а потому перед тем, как устроиться на ночлег, мы всей компанией собирали хворост, толстые сучья и тонкие стволы деревьев, переломанные ветровалом и успевшие высохнуть.

Особенно уютным ночлег получался в огромных ямах, возле корней больших деревьев, поваленных ветром. Стены ямы отражали тепло костра вовнутрь и укрывали от прохладного ночного ветра снаружи. Из тонких ивовых веток делали шампурки, на которые нанизывали найденные по дороге грибы вперемежку с кусочками прихваченного из дома хлеба. Сок из грибов, вытапливаемый жаром костра, пропитывал кусочки хлеба и насыщал их неповторимым лесным ароматом, а появившаяся по-

сле обжарки румяная корочка делала хлебушек хрустким. Из-за пазухи высыпались огурцы, украденные по пути на колхозном поле, а кто-то, самый предусмотрительный, доставал из кармана, аккуратно разворачивал и выкладывал в центр импровизированного дастархана бумажный, слегка подмокший от пота кулечек с солью. Ужин проходил в тишине, лишь слышалось чавканье голодных ртов.

Насытившись и подбросив в огонь сушняка, все укладывались вокруг костра на заготовленные заранее охапки мягких березовых ветвей. Мы, как мальчишки в тургеневском рассказе «Бежин луг», проникались духом природы.

Ночь окружала нас черным бархатом, тьма, если смотреть по сторонам из освещенного костром круга, казалась абсолютно непроницаемой. Звезды на небе, мешаясь с летящими от костра искрами, под треск багровых углей, раздуваемых легким ветерком, начинали кружиться в немудреном хороводе. Нарождающийся месяц, как галантный кавалер, скрываясь время от времени за редкими тучками, плывущими по небу, казалось, появлялся всегда в разных местах, наверно, чтобы случайно не обойти вниманием какую-либо из своих партнерш по звездному танцу.

Первым, глухо прокашлявшись, заводил разговор на вечные в таких случаях темы Вовка.

— А слышали, пацаны, вчера с утра по всей нижней улице у хозяек молоко прям в подойниках скисло,

— И что? — спросил его сонным голосом Леха.

— Ну ты даешь! Неужели примету не знаешь? Если молоко поутру скисает безо всякой причины, значит, где-то рядом пошаливает ведьма.

— В прошлом году ее уже почти поймали, но она все же сумела выкрутиться, — уточнил Витька.

— А как это получилось? — спросил Мартын, парнишка лет двенадцати, всего год назад в силу каких-то житейских обстоятельств приехавший вместе с матерью в нашу деревню.

— А вот как, — Вовка придал голосу таинственность. — Знаете дядю Мирона, отца Сереги, того, что утонул в том же прошлом году? Так вот, дядя Мирон не любит летом спать в духоте, говорит: лучше потерпеть комаров, чем всю ночь пот одеялом утирать. В общем, устроил он себе лежанку на чердаке. Спит, а ночь светлая, хоть книгу читай, чердачное окно аж серебрится от лунного света. И вдруг слышит дядя Мирон какой-то шорох, приоткрыл глаза, а в оконном проеме, спиной к нему, сидит женщина, волосы длинные, распущенные, в одной руке зеркальце, а в другой гребень. Расчесывает она волосы, а сама смотрит вниз, на двор дяди Мирона, и что-то шепчет. Догадался тот, что это ведьма на его хозяйство порчу наводит, и хотел подкрасться к ней, да забыл, что рядом бутылка с недопитым самогоном и стакан стоят, задел он их нечаянно, они и зазвенели. Оглянулась ведьма — лицо молодое, красивое, но дядя Мирон успел разглядеть в зеркале, которое ведьма держала в руках, отражение старухи, и так она ему кого-то напомнила, эта старуха, что аж сердце кольнуло. А ведьма прыг с окна и растворилась в ночном небе, только черные крылья успел разглядеть дядя Мирон. С тех пор старается он вспомнить, кого напомнила ему та старуха, но не может, видать, и тут без колдовства не обошлось.

— А слышали? — это уже заговорил Витька. — В поле опять женщина плачет.

Я насторожился, потому что только позавчера вечером, сразу после того как по деревне прогнали стадо коров, я сам слышал этот плач. Выйдя через калитку в конце подворья, я оказался на околице. Плач, то затихая, то усиливаясь, раздавался неподалеку, на еще не скошенном лугу, в каких-то ста метрах от меня. Вечер еще только собирался напустить сумерки, солнце уверенно плыло над горизонтом, и мне было не

страшно. Я смело пошел на звук. Голос принадлежал молодой женщине или даже юной девушке. Интонации вызывали жалость и сочувствие. Я шел быстрой, уверенной походкой и в какой-то момент вдруг обнаружил, что плач раздаётся уже позади меня. А потом меня начало, что называется, кружить. Голос плачущей женщины то оказывался в нескольких метрах впереди меня, то замолкал и раздавался далеко позади. Мне казалось, что я вот-вот увижу ее, но голос перемещался, а я с упорством продолжал преследование.

— Игорь! Ты что там делаешь? А ну быстро домой!

Мне показалось, что я никогда не видел бабушку такой рассерженной и даже немного испуганной. В руке она держала веник-голик, и желание вытянуть им меня по заднице отчетливо читалось на ее лице.

— Ишь, чего удумал! С Навкой в прятки играть. Совсем с ума сошел, что ли?!

В эту ночь я спал дома и сквозь сон слышал, как моя бабушка долго стояла у иконы и о чем-то молилась, часто до меня доносилось мое имя.

Теперь этой темы коснулся Витька.

— И что это за женщина? — тут же спросил я.

— Это Навка, — ответил за него Вовка. — В народе их иногда называют плакальщицами, нечисть, конечно, но вполне безобидная.

— Ну, конечно, «безобидная», — с сарказмом возразил рассудительный Мартын, — говорят, перед войной они на каждом поле плакали, беду предсказывали.

— Предсказать — не значит накликать, — возразил ему Вовка. — Их только беспокоить нельзя, а то обидятся и начнут тебя преследовать, могут даже с ума свести.

В костре с громким треском лопнула сухая ветка, подняв в небо целое облако пылающих искр. Я лежал и размышлял о своей судьбе: надо же было так неудачно родиться: все войны и революции прошли без меня. А если моя Навка предсказала войну, то я опять на нее не успею: пока вырасту, она опять закончится. Как же мы, бестолковые мальчишки, мечтали о войне, о подвигах, как в песне Высоцкого «Не досталось им даже по пуле...»! Владимир Семенович очень тонко прочувствовал душу пацанов нашего поколения.

Тогда, так близко столкнувшись с непонятным явлением, я еще не знал, что предсказание Навки сбудется.

Я, наверно, очень крепко уснул, потому что не сразу услышал команду на построение. Пробегавший мимо меня приятель растормошил меня за плечо. Вдалеке, в самом конце взлетно-посадочной полосы, натруженно ревел двигателями недавно приземлившийся военно-транспортный Ан-12.

Наша рота, хотя и называлась второй, первой погрузилась в пузатый транспортник. Здесь, в батальоне, мне открылся секрет кадровиков. Оказывается, формирование рот идет в том числе и по внешнему виду бойцов. Высокие и светловолосые автоматически попадают в первую роту, а чернявые и те, что помельче да попузатее, как выразился один мой приятель, попадают во вторую; такой же принцип действует и в армии. Будь среди нас косые, хромые и убогие, наверно, появилась бы и третья рота, но у нас таких не было, и рот было только две. Я, смуглявый с рождения, попал во вторую. Первая рота — для парадов, вторая — для войны.

К чести вторых рот, нужно заметить, что в службе, учебе и даже в спорте вторая рота всегда, как говорится, на целый корпус обходит первую.

Конструкторы Ан-12 меньше всего задумывались о комфорте пассажиров. Двигатели ревели так, что закладывало уши, жесткие откидные, как в БТРе, сиденья не прибавляли удобства.

Вдоль бортов, прислонившись к шпангоутам, сидели и дремали мои друзья: Генка из Елабуги, Вовка из Кирово-Чепецка, Виталья из Владивостока, да и много других ребят из Улан-Удэ, Донецка, Новосибирска, Якутска и Свердловска вез пузатый транспортник на Кавказ, навстречу неизвестности.

Понятнее устроившись на своем сиденье, я закрыл глаза и вновь погрузился в воспоминания.

Иногда походы нашей ватаги продолжались по два, а то и три дня. Многонациональная Сибирь манила нас разнообразием «разбойничьих» промыслов. Благодаря Иосифу Виссарионовичу рядом с нашей станицей находилось поселение чеченцев, которые разводили прекрасные вишневые сады.

С другой стороны, вдоль Сибирского тракта, ровной линией выстроились аккуратные дома немцев с Поволжья с шикарными огородами и урожайными грядками огурцов.

Зыряне, добровольно переселившиеся в Сибирь в незапамятные времена, ставили на реке Тарбуге уловистые морды. Только деревня староверов с высоченными, глухими заборами, воротами в три человеческих роста и свирепыми лохматыми псами, свободно гуляющими по двору, не вызвала у нас интереса.

И дело не в том, что мы были голодны (дома у каждого из нас тех же огурцов было немерено, но разве сравнится по вкусу огурец, сорванный среди бела дня в собственном огороде, с огурцом, украденным во время ночной вылазки. Кстати, называли такую вылазку мы на нашем детском жаргоне — «загнать козла в огород»).

С немцами и зырянами, не говоря уж про староверов, точнее, с их пацанами у нас конфликтов не было. Зато с чеченскими ребятами стычки происходили постоянно. Иной раз дело доходило до того, что пацаны, те или другие, собравшись в большую ватагу, устраивали рейд в деревню «неприятеля». Верх в таких случаях, как правило, одерживал тот, кто напал первым. После чего победители ходили, высоко задрвав нос, пока не нарывались на ответное нападение.

Взрослые, к моему теперешнему изумлению, и тут не думали вмешиваться, хотя иной раз драки были весьма серьезными, более того, мне иногда казалось, что в улыбках мужиков читалось скрытое одобрение.

Как-то раз, собравшись небольшой, особо сдружившейся компанией, человек в пять, мы отправились «навещать» вишневые сады вблизи чеченской деревни. Организатором и заводилой, как всегда, был Вовка Казаногин. Ранним утром умаявшийся за ночь объездчик, по нашим расчетам, должен был отдыхать. На всякий случай, зайдя на территорию садов со стороны, противоположной нашей станице, мы неожиданно нос к носу столкнулись с группой чеченских пацанов. Их было раза в два больше, чем нас, и они были немного постарше. Ждать помощи нам было неоткуда.

Оценив свое превосходство в силе и выйдя на пару шагов вперед, чеченский забияка Султан, известный нашим пацанам по прошлым стычкам, улыбнувшись крысиной улыбкой, поманил к себе пальцем Вовку. Рубашка на животе у Султана, как и карманы, отвисла от ворованных ягод. Чеченские мальчишки и наши пацаны были конкурентами в садово-огородных делах, и это ссорило нас еще больше.

— Ну что, Вован, пора нам с тобой разобраться по-взрослому, кто из нас здесь рулить будет.

— Давай попробуем, — Вовка смело вышел навстречу Султану.

Мы все приготовились к драке, безнадежность ситуации пробуждала злобу и придавала сил. Я вспомнил наставления Вовки: «Думаешь, в драке побеждает тот, кто сильнее? Нет. В драке побеждает тот, кто духом крепче. Испугался, дал слабину — и ты пропал. Поэтому никогда не трусь, бей смело, бей в лицо, бей так, чтобы самому страшно стало. А увидишь в его глазах испуг — все, считай, что ты уже победил».

В дальнейшем, вспоминая его слова, я удивлялся их жестокости и в то же время правильности. Откуда это знал четырнадцатилетний мальчик?

В тот раз нас выручил случай. За миг до того, как замелькают кулаки и брызнет первая кровь, из-за кустов показался чеченский объездчик, верхом на лошади. В воздухе засвистел и резко щелкнул кнут, раздалась брань на чужом языке. Объездчику было наплевать на наши разборки, главное, он безошибочно узнал в обеих компаниях любителей дармовой вишни и, как пес, бросился на нас, а мы что было сил рванули каждый в свою сторону.

В общем, ситуация разрешилась для нас благополучно, если не считать пары рубцов от кнута на некоторых спинах.

Иногда, для разнообразия, мы ходили с ночевкой на элеватор. Голуби, расплодившиеся на его территории, стали настоящим бичом для колхозников. Их несметные стаи сплошным ковром покрывали зерно, хранящееся на току, не столько склевывая, сколько загаживая его.

Именно эти разжиревшие на дармовой пшенице голуби и становились нашей добычей. Оказалось, что они, как и куры, укладываясь спать, перестают видеть и слышать то, что происходит вокруг. Вот тут-то самые проворные из нас, а это, как всегда, были Витька и Вовка, залезали по стропилам под крыши окружающих элеватор строений и спокойно собирали в мешок устроившихся на ночлег голубей.

После того как мы все вместе ощипывали и разделявали жирные тушки, за дело брался Мартын. Наверно, в будущем он стал хорошим профессиональным поваром, потому что уже в детстве выказывал немалые способности к этому делу.

На угли от догорающего костра он ставил старый, неизвестно где взятый глубокий противень. Затем бросал туда целую пачку маргарина или кулинарного жира и, дождавшись, когда тот начнет закипать, плотно, крылышко к крылышку, укладывал на него голубиные тушки.

Не знаю, солил ли он их, применял ли какие-либо специи, но я больше никогда в жизни не пробовал такой сочной, ароматной и нежной дичи.

А потом — опять ночь у костра, страшные рассказы, «подтвержденные очевидцами», и купол бескрайнего, звездного неба, предсказывающего нам счастливую и такую же бесконечно долгую жизнь.

Самолет резко качнуло, и он, навалившись на крыло, со снижением начал заходить на посадку. Бойцы, просыпаясь и потягиваясь, приводили в порядок экипировку. Замполит, летевший вместе с нами и весь полет просидевший в кабине с летчиками, теперь ходил вдоль наших рядов и разъяснял сложную обстановку в кавказской республике.

Самолет тряхнуло при встрече с посадочной полосой, и он, взревев четырьмя моторами и задрожав всем корпусом, наверно, включив реверс, начал понемногу гасить скорость. Вскоре качка и тряска прекратились, самолет остановился, двигатели, взревев в последний раз, начали замолкать, все тише и тише свистя турбинами. Мы прилетели.

Город, в который мы прибыли, встретил нас мелким морозящим дождем и хмурым, почти осенним небом, по которому серою массой, почти касаясь земли, плыли дождевые облака.

На краю летного поля стояло полтора десятка стареньких машин ГАЗ-52, выкрашенных в голубой цвет и крытых брезентовыми тентами. Машины принадлежали местной части внутренних войск и должны были перебросить имущество и личный состав нашей роты к месту постоянной дислокации.

Завершив погрузку и разместившись в кузовах на откидных скамьях, рота тронулась в путь. Оказалось, что дорога, если все будет хорошо, займет не менее четырех часов.

Бойцы, устраиваясь поудобней, несмотря на запрет, закуривали сигареты.

Я, сидя крайним на скамье, идущей вдоль борта, приподняв брезентовый полог, вглядывался в дождливые сумерки наступающего вечера. Горы, огромными темными пятнами сереющие сквозь туманную пелену, не вызывали ожидаемого восторга. Нос улавливал лишь запах дождя с прохудившегося неба. Ярких красок в этом мире не было.

Потеряв интерес к окружающему, я опустил тент и, навалившись спиной на борт машины, закрыл глаза. Память снова погрязла меня в далекое прошлое.

Тем летом родители решили отправить меня в пионерский лагерь, подальше от закадычных деревенских друзей, а заодно под строгий надзор педагогов. Путевку достали на вторую смену — с 1 по 31 июля. Это время считалось лучшим. Можно было купаться в Иртыше, собирать ягоды, ходить по грибы — так думали родители. Оказалось, они не знали многих деталей «лагерного» отдыха. Мои злоключения начались еще до того, как мы покинули город.

Мама, боясь опоздать на автобус, который должен был отвезти нас в пионерский лагерь, подняла меня с постели чуть свет. Но ждать больше часа отправления автобуса, сидя в душном салоне, для меня было слишком суровым испытанием. Поэтому, узнав, в каком автобусе едет моя группа, я, заняв место, оставил на сиденье свою сумку и отправился гулять по парку.

Мама, суетясь и беспокоясь, что я отстану, покрикивала на меня, не позволяя отходить далеко. Наконец дали команду на посадку и отправление. Поцеловав маму, я вошел в салон автобуса и вдруг обнаружил на своем месте какого-то пацана. Моя сумка, небрежно сброшенная, валялась в проходе.

— Это мое место, я его первый занял, — обратился я к мальчику в надежде восстановить справедливость мирным путем.

Мальчик, старше меня, как минимум, на год и выше на полголовы, наглым кивком указал на мою сумку,

— Хватай и валяй на заднюю площадку, там еще есть места.

Пытаясь унять закипающую от обиды кровь, я подошел к мальчишке и, резко схватив его за отвороты рубашки, рванул на себя. Мальчишка оказался сильным, прихватив мою рубашку таким же захватом, он уперся мне в грудь, и мы, споткнувшись о мою сумку, брякнулись на пол. Я, дернув рукой, нечаянно ударил его по лицу. Мальчишка отпрянул, и я прочитал в его глазах испуг. Вспомнились наставления Вовки, и, следуя им, я, окончательно повалив своего противника и усевшись на него сверху, по-детски размахивая руками, стал молотить его сжатыми кулачками. Вместо того чтобы оказать сопротивление, тот закрыл лицо руками и заревел.

— Ты что творишь? Хулиган! — заорала метнувшаяся к нам женщина.

— Он первый начал, — невозмутимо возразил я и, отпустив плачущего противника, подобрал свою сумку и сел на освободившееся место.

— Ну погоди, негодяй, мы с тобой еще поговорим!

Уже позже я узнал, что эта женщина была воспитателем нашей группы, а наглый пацан — ее сын.

Автобус медленно тронулся, за окном показалось перепуганное лицо мамы, я, стараясь унять нервную дрожь и улыбнуться добродушной улыбкой, помахал ей рукой.

Порядки в пионерском лагере не понравились мне с самого начала. Утро начиналось с подъема по команде пионерского горна и построения на утреннюю линейку, где начальник лагеря оглашала распорядок дня. Я первое время радовался некоторым объявлениям, но потом... Например, многообещающий поход на пляж выглядел так. Отряд строился возле жилого корпуса; ходить по территории вне строя категори-

чески запрещалось. А Иртыш, играя лазуревыми красками, отливая серебром набегающих на берег волн, манил прохладой всего в трехстах метрах от ограды лагеря.

Построившись в две шеренги, мы, как ополченцы, идущие на войну, выдвигались в сторону пляжа. На узеньком участке в воду были забиты столбы, обтянутые металлической сеткой, образующие периметр, выходящий двумя сторонами на берег. Такая площадка в воде, на детском жаргоне, называлась «лягушатник».

Когда мы зашли в воду, то глубина возле дальней стенки доходила мне до пояса.

— Нырять запрещено, каждый смотрит друг за другом, — раздалась команда воспитательницы.

Я стоял посреди отведенной лужи под строгим присмотром зорких глаз и вспоминал, как в деревне среди ночи плыл по незнакомой речке, чтобы снять чью-то мордушку.

Повинуясь потребности души, я все же решил нырнуть, хотя бы один раз. Тихонько отойдя в сторону и не обнаружив наблюдения, я вертикально опустил под воду и уже под водой, приняв правильное горизонтальное положение, резко загребая руками, рванулся вперед.

Увы, наслаждение свободой длилось недолго. Во время одного из гребков моя рука натолкнулась под водой на что-то мягкое, и я от неожиданности схватил это мягкое рукой.

Когда я вынырнул, перепуганный вопль нашей вожатой напоминал звук сирены «скорой помощи»; девчонки, охваченные ужасом, как пингвины, выскакивали на берег. За какое место я ухватил вожатую, мне и сейчас стыдно вспомнить, а тогда я так и не смог убедить педсовет лагеря, что сделал это не умышленно. В наказание меня отстранили от следующего похода на пляж, не подозревая, что делают мне подарок. Я обрел относительную свободу.

Дыша полной грудью воздухом свободы, я вышел из корпуса и в первый раз, один, без строя, отправился осмотреть лагерь. До обеда времени было еще много, и я решил поискать землянику в южной части пионерского поселка. Как-то раз мы строим проходили этот участок, и я опытным глазом заметил кустики с едва розовеющими ягодами. Теперь я и направился в ту сторону. Рядом, по оврагу, проходила граница лагеря, пересекая которую запрещалось категорически.

Ягоды, еще недавно едва розовеющие, теперь налились ярко-красным, безумно сладким и ароматным соком. У границы лагеря ягод почти не было (по-видимому, их просто вытоптали), зато по мере приближения к оврагу их становилось все больше и больше. Не обращая внимания ни на какие границы, я углубился в овраг метров на пятнадцать. Я набирал полные горсти земляники и с удовольствием набивал ею полный рот, иногда капельки сладкого сока стекали с уголков губ на подбородок.

Грозный оклик над головой заставил меня вздрогнуть.

— Ты что творишь, негодяй? — узнал я голос воспитательницы. — Кто разрешил тебе покинуть территорию лагеря?

Труднее всего отвечать на глупые вопросы. Поэтому и я молча стоял перед воспитательницей, опустив голову и спрятав за спину перепачканные земляникой руки, не умея подобрать слова, чтобы ответить, кто разрешил мне пересечь виртуальную границу.

Вернувшийся с пляжа отряд застал меня у стены позора (так называлась площадка под окнами нашего корпуса, куда время от времени ставили в наказание нарушителей дисциплины).

А за пределами лагеря был разгар лета. Лес, изнемогая от дневной жары, тяжело дышал запахами хвои и березовой листвы. Уставшие волны Иртыша лениво терлись о речные бакены. Запахи разнотравья дурманили голову. Я представлял себе, как сейчас живут мои деревенские друзья...

Только глубокой ночью наша рота прибыла на место постоянной дислокации. Утро ошеломило нас красотой Кавказа.

Нас разместили в финском ангаре, служившем когда-то вещевым складом. Здесь было тепло и даже уютно, но темновато. Выходя на построение, которое теперь следовало сразу за командой «подъем», мы щурились от ослепительного солнца и оставались в изумлении.

Кавказские горы являлись перед нами во всем своем величии. Прямо перед плацем, казалось, на расстоянии вытянутой руки, возвышалась громада горы Большой Кирс. Она сверкала и переливалась грудой драгоценных камней, вкраплениями которых была усеяна снежная шапка, покрывавшая вершину. Ручьи, с такого расстояния казавшиеся нитями серебряной паутины, опутывали склоны гор, обращенных в нашу сторону. Непривычно чистый и прозрачный воздух кружил голову и скрадывал расстояние. На самом деле от нашей базы до края долины, в которой мы находились, был не один десяток километров.

В горах расстояния обманчивы. Как-то в Северном Казахстане, где тоже есть хоть и небольшие, но все же горы, в районе поселка Боровое, мы с приятелями решили подняться по склону, не на вершину, конечно, а так, на сколько сможем. Наше «восхождение» заняло около получаса, но когда мы, почти лишившись сил, оглянулись назад, то оказалось, что продвинулись вперед не более чем на расстояние броска камня. Спустились мы за несколько минут.

Именно там, среди кавказских красот, пролегали тропы, известные немногим. И по этим тропам шли группы вооруженных людей, причем как в ту, так и в другую сторону, сея смерть на сопредельных территориях. Вот именно для защиты населения этих территорий и прибыл на Кавказ наш батальон.

Страну лихорадило от радикальных перемен, в основном уводящих ее не в лучшую сторону. Еще вчера добрые соседи становились лютыми врагами, готовыми жечь дома и резать друг другу горло. Народы и даже мелкие народности вдруг проникались гипертрофированным чувством национального достоинства и начинали вспоминать обиды, нанесенные им еще в феодальные времена. Находились «знатоки» истории, которые в два счета могли обосновать территориальные претензии к любому из соседей. Мир медленно, но неуклонно сходил с ума.

Демаркационная линия, разделяющая конфликтующие стороны, была шириной в несколько километров, и если днем еще можно было прикрыть весь этот участок разбросанными на небольшие расстояния друг от друга блокпостами, то вечером возникали проблемы. Батальон был вынужден сжимать охраняемый периметр, чтобы повысить свою боеспособность. Вода у нас была привозная, так как несколько колодцев с питьевой водой на ночь оставались без охраны, а играть поутру в русскую рулетку желающих не было. Однажды по какой-то причине снабженцы не смогли завезти нам воду, и мы три дня не только пили, но и мыли руки персиковым соком, обнаруженным в брошенных ушедшими жителями погребах.

Одна из дорог, ведущая из соседней республики, с которой и был конфликт, прикрывалась нашим блокпостом. На выносном блокпосту, как правило, дислоцировалось одно отделение, то есть около десяти человек. Рядом с несколькими оборудованными огневыми точками, соединенными линией окопов, находились блиндаж с печью для варки и разогрева пищи и нары для отдыха.

Сегодня я выходил в наряд на охрану ночного периметра. Погода стояла теплая, ясная. Тьма, спустившаяся на горы, скрыла их из виду. Ночь расправила над нами свои черные крылья. Сияющие над самой головой звезды необычной величины и ослепительной яркости завораживали душу. Казалось, протяни руку — и коснешься одной из них.

Я встряхнул головой — нужно сосредоточиться и напрячь внимание. Обстановка в горах за последние дни изменилась в худшую сторону. Чтобы взбодриться, я стал вспоминать занятные случаи из своего детства.

...В деревню к бабушке я приехал только на следующее после пионерского лагеря лето.

Деревенские мальчишки встретили меня как старого друга, вернувшегося после долгой разлуки. В нашей компании произошли перемены. Вовка Казаногин (ему недавно исполнилось шестнадцать) уже не участвовал в наших забавах. На лето родители устроили его подпаском в помощь родному дяде, пастуху. Место нашего вожака по праву занял Витька Грюканов. Мартына и его мать увез из деревни отец, как оказалось, освободившийся из мест заключения. Добавилось несколько подросших пацанов, а в остальном все было по-старому. Жизнь шла своим чередом.

На второй день после моего приезда я отправился в небольшую рощицу, находящуюся почти на территории села, где обычно собиралась наша компания. Ребята сидели вокруг костра и о чем-то вполголоса совещались. Их лица были озабоченны.

— Что-то случилось? — обратился я к Витьке, уловив висящее в воздухе напряжение.

— Случилось, глянь вон туда, — Витька указал куда-то в сторону.

Я обернулся и онемел: в стороне, метрах в пяти от нас, на березовом обломыше висел человеческий череп, а под ним белели уложенные крест-накрест, на манер «Веселого Роджера», две берцовые кости; между оставшихся зубов череп сжимал окурки папиросы.

— Где вы его взяли? — спросил я в изумлении.

— Не мы, а вон тот придурок, — Витька указал на Леху.

Оказалось, дело было так. На деревенских кладбищах стараются хоронить родственников как можно ближе друг к другу. Но со временем кладбища разрастаются, причем рост идет не только вовне, но и вовнутрь, то есть недавно умершую родню хоронят все плотнее и плотнее. Так и в этом случае, когда копали могилу, яма своим краем коснулась гроба давнего захоронения.

В это время, наверно, сам черт пронес мимо нашего Леху, который воспользовался тем, что рядом никого не было, и спер из старой могилы череп и кости. Но на этом дело не закончилось. Кто-то заметил устроенный Лехой разор, и неизвестно как, но его вычислили.

Один из дальних родственников покойника, чью могилу разорили, передал Витьке, что переломает ноги всей нашей компании, если мы не вернем кости на место до завтрашних похорон.

Ребята сидели в задумчивости; зная того, кто им угрожал, они воспринимали угрозу как весьма реальную.

— Я не хотел, — ныл Леха. — Там дерево все сгнило, стенка гроба сама развалилась, я только палкой внутри пошевелил, череп сам и выпал.

— А кости тоже сами выпали? — уличал Леху Витька. — А сюда ты их зачем притащил?

— Я вас хотел напугать, а потом вернуть.

— Напугал? Молодец! Теперь иди возвращай, — продолжал Витька.

Леха сидел у костра, скрестив ноги «по-турецки» и низко опустив голову, не смея поднять на ребят виноватые глаза.

— Ладно, что сделано, то сделано, — философски подметил Витька. — Надо думать, как выкрутиться.

Нам даже в голову не пришло отправиться на кладбище днем, потому что можно было огрести по полной, несмотря на явку с повинной. Поэтому решили идти к моги-

ле, когда стемнеет, и тогда вернуть кости на место, а пока, оставив на поляне «Веселого Роджера», разошлись по домам в ожидании сумерек.

Ночь медленно опускалась на село, стих гомон людей, замолчали в своих стойлах сытые, довольные коровы. Только неугомонные собаки продолжали лениво брехать, подводя итог длинному летнему дню. На небе робко замерцали первые звездочки.

— Пора, — голосом, исключаяющим возражения, подал команду Витька.

Наш небольшой отряд в составе пяти человек отправился в сторону деревенского кладбища. На небе показался месяц. Когда мы уже подходили к деревянной ограде кладбища, он, как сигнальная ракета, поднимаясь все выше и выше, залил землю холодным, призрачным светом. Если вам приходилось бывать ночью, да и не только ночью, на кладбище, то вы, наверно, обратили внимание на то, что вас окутывает какая-то особенная тишина. Здесь, вне кладбища, страдающая бессонницей перепелка убеждает вас, что спать пора; нет-нет да и залетится звонким лаем собака, растревоженная кошмарным сном, а там полная тишина забивает уши ватой, выделяя только отдельные, характерные для кладбища звуки. При полном безветрии вдруг пронзительно скрипнет береза, или в полной тишине под ногами с громкостью пистолетного выстрела хрустнет сухая ветка.

Не показывающие своего испуга пацаны все теснее жались друг к другу. Леха, держа под мышкой свой страшный груз, завернутый в газету, шагал первым, время от времени подталкиваемый в спину товарищами. Месяц на небе засверкал в полную силу. Кладбищенские березы начали отбрасывать нереальные, мерцающие тени. Легкий ветерок в вершинах деревьев, совершенно не ощутимый внизу, вызывал их незаметное для глаз покачивание, от чего тени ползали между могил и шевелились в зарослях крапивы и полыни.

Мистический страх, подогреваемый воображением, сеял в душе панику. Наконец мы подошли к свежевыкопанной яме. Остановились метрах в пяти от нее и подтолкнули в спину Леху. Осталось потерпеть совсем немного. Леха сделал пару шагов вперед.

— Кто здесь?! — раздался хриплый возглас со дна могилы. — А ну, стойте! — И над краем ямы показалась лохматая голова покойника с волосами, припорошенными землей.

Леха взвизгнул голосом щенка, которому нечаянно прищемили дверью хвост, и, выронив свою ношу, рванул наутек, в считанные мгновения обогнав всех нас. Мы мчались следом со скоростью, вызвавшей бы зависть у любого легкоатлета, не замечая препятствий на своем пути. Потом мы не могли вспомнить, обежали мы ров шириною метров в пять, прорытый коммунальными службами недалеко от кладбища, или просто перепрыгнули.

Примчавшись на место сбора в березовую рощу, мы, дрожа и размазывая по лицу слезы и сопли, пытались успокоиться. У некоторых из нас штаны оказались мокрыми. Тяжелее всего встречу с землекопом, которого наняли за бутылку водки подправить могилу и выпив которую он уснул прямо на рабочем месте, перенес Леха. Еще целых полгода родители возили его в райцентр к невропатологу, чтобы вылечить заикание.

Несколько дней мы сидели по домам, не желая никого видеть. Деревня гудела, передавая рассказ о нашем приключении, как всегда привирая и приукрашивая случившееся.

И все же время — хороший лекарь, оно рихтует полученные от судьбы вмятины и излечивает нашу память, стирая из нее все ненужное.

Этим летом у нас появилось новое развлечение, заменившее все остальные. Однажды Вовка Казаногин пригласил нас попасть к коров вместе с ним. Главный плюс заключался в том, что, как помощники пастуха, мы могли брать на колхозной конюшне оседланных лошадок. Точнее, брать лошадок, а седлать мы должны были их сами.

В первое утро я, встав чуть свет, отправился на конюшню. Все пацаны были уже здесь. Конюх, добрый дядька, помог нам выбрать самых смирных лошадок и показал мне, как нужно крепить седло. Выполнив все как положено и глядя вслед удаляющемуся конюху, я стал примерять лошадке уздечку. Почему-то совать в рот лошади металлические удила мне показалось не эстетичным, и я пропустил их под подбородком лошадки, просунув ее морду между ремнями.

Выведа лошадей из конюшни под уздцы, мы уселись в седла и поехали по деревне, собирая в стадо коров, которых выгоняли хозяйки. Лошадь была мне послушна, но начинала как-то странно косить в мою сторону. Как только мы выехали за околицу, моя лошадка, посчитав, что и так слишком долго терпела мой произвол, направилась напрямик к кукурузному полю. Я натянул поводья и попытался развернуть ее в нужном направлении. Бесполезно. Тогда я, проявляя волю наездника, что есть сил потянул поводья в нужном мне направлении так, что выгнулась шея лошади. Недолго думая, лошадка дернула головой в обратную сторону, да так, что я, не успев ослабить поводья, намотанные у меня на руке, с грацией циркового акробата, даже не прикоснувшись к лошадиным ушам, пролетел через ее голову метров на пять вперед, слава богу, не попав под ее же копыта. Подскакавшие пацаны, поняв, в чем дело, исправили мою ошибку и потом еще долго смеялись надо мной.

Благодаря нашей помощи пастух мог не гонять стадо слишком далеко, нашей расторопности вполне хватало, чтобы избежать потравы пшеницы или иной культуры и удерживать стадо на ограниченном участке. Сам же пастух мог свободно отдыхать на солнечной полянке, послав своего подпaska Вовку в магазин за портвейном, и ни о чем не беспокоиться.

В то утро я умудрился проспать. Наскоро перекусив вчерашними пирожками и запив их вечерним молоком, я побежал на конюшню. Конюшня была пуста. Точнее, в конюшне не было конюхов. Скорее всего, они, отправив пастухов, вновь легли отдыхать. Седла, уздечки — в общем, вся конская амуниция была развешана по стенам. Сонные лошади переминались с ноги на ногу в своих стойлах. Я присматривался к лошадям, выбирая себе товарища на день. Мое внимание привлек молодой жеребец угольно-черной масти, внимательно косящий в мою сторону и стригущий ушами. Почему-то мне показалось, что он хочет, чтобы я выбрал его. Я потрепал жеребца по гриве. Тот, то ли от удивления, то ли от удовольствия, тихонько заржал. Выбор был сделан.

Когда я вывел оседланного жеребца на улицу и, лихо вскочив в седло, «дал ему шпоры», то был ошеломлен. От перегрузки меня буквально вдавило в седло, как будто я стартовал на спортивном мотоцикле, а еще не было привычной тряски, и мне не надо было отжиматься на стременах. Конь буквально стелился в размашистом беге, лишь слегка покачивая меня в седле. Так в первый и последний раз в жизни я познакомился с иноходцем.

Когда мы с конем появились на пастбище, все ахнули.

— Ты с ума сошел, это же Вороной, — в один голос зашумели пацаны. — К нему даже наши конюхи подходить боятся, зверь — не конь.

Солнце, поднимаясь все выше, превращало степь в раскаленное пекло. Наверно, поэтому пастух, не рассчитав своих сил, к вечеру сомлел окончательно. Вовка Казаногин, оставшись за старшего, махнул нам рукой, чтобы мы подъехали к нему поближе. Пастух, абсолютно недвижимый, лежал на расстеленном плаще и громко храпел.

— Ну что, пацаны, надежда на вас, выручайте, — сказал он, кивнув на пастуха. — Оставлять его нельзя, медянка может в рот заползти, так что вам нужно прогнать стадо по деревне, а там хозяйки сами своих коров разберут.

Стадо мы собрали довольно быстро и, построив в колонну, погнали в деревню. Коровы вели себя смиренно, послушно и аккуратным строем шагали в село...

Это была моя последняя поездка в деревню на летние каникулы. Да и время моего детства безвозвратно уходило в прошлое. Мой «Бежин луг» закончился.

Я рос, к пушку на верхней губе добавилась растительность на щеках. Чужие огороды уже не манили, а вечера на природе, у костра стали мне не интересны без друзей с гитарой и появившегося у меня нового друга — девушки с нашего факультета.

Бабушка часто приезжала к нам в гости, и, даже когда я уже стал студентом, она всегда привозила мне гостинцы. Это были подсохшие пряники, пропахшие запахом автобусного салона, в котором она ехала в город, или конфеты в потертых фантиках, по-видимому, из ее запасов.

Как и большинство людей ее поколения, она не представляла, как можно жить, не имея надежного запаса из самого необходимого, а именно из соли, сахара, спичек, чая, круп и, конечно же, дешевеньких карамелек к чаю. Революции и войны, пережитые ею, наложили на ее житейские представления свой отпечаток.

Она с загадочным видом подходила к кухонному столу и разворачивала платок, в который были завернуты гостинцы, и мы с младшей сестрой набрасывались на них. Удивленные родители корили нас за то, что мы их позорим.

— Вон ведь полная ваза шоколадных конфет стоит, а в столе и печенье, и вафли, а вы как с голодного края, — ворчала мать.

А мы с сестренкой, никого не слушая, грызли пряники и набивали рот карамельками, с трудом отдирая их от прилипших фантиков. Бабушка стояла рядом и улыбалась доброй счастливой улыбкой.

В своей жизни я перепробовал много вкусных лакомств, но не помню, чтобы хоть одна из них приносила мне столько радости.

Когда я, окончив институт, уезжал по распределению, бабушка специально приехала к нам, чтоб попрощаться со мной. Только тогда я заметил, как же сильно состарили ее годы. Похоронив в разных войнах, включая Гражданскую, троих мужей, она в одиночку вырастила четверых детей, поставила их на ноги. Жизнь не смогла сделать ее сердце черствым, в нем всегда находилось место любви и доброте.

Когда я, погрузив в такси сумки и чемоданы, повернулся к родным, чтобы попрощаться, она первая подошла ко мне. Я впервые заметил, что передо мной стоит старая женщина, сгорбившаяся под грузом прожитого времени. Она подошла и как-то неловко протянула мне правую руку. Я бережно взял ее сухонькую ладонь и прижал к груди. Другой рукой обнял ее за подрагивающие плечи.

— Ну ладно, бабушка, ну чего ты? Через годик приеду в гости, увидимся.

— Ты думаешь, для меня годик — это мало? Я ведь не вечная. Подожди, не перебивай, послушай, что скажу. В твоей жизни многое может случиться, знай, пойдете в атаку, к толпе не жмись, будь немного в стороне. Вперед не лезь, позади других не отставай, зря не геройствуй, но и не будь трусом, пуля трусов любит.

Я стоял немного растерявшийся, понимая, что бабушка читает мне по памяти представления, которые из поколения в поколение читали молодым казакам, покидающим родной дом, но перебивать ее я, конечно, не стал. Нужно быть снисходительным к старости. Пройдет время, и я пойму, как же я был глуп и как была мудра моя бабушка.

— И главное, может, когда-нибудь тебе станет страшно, и рядом не будет никого из товарищей, которые смогли бы тебе помочь, например, ты будешь ночью стоять на часах, — она применила устаревшее название караула. — Запомни! Ты только попроси его, скажи: «Спаси и сохрани» — и больше ничего не бойся.

Бабушка не сказала, кого его, но и так все было ясно.

Потом я попрощался с отцом, матерью, сестренкой и другими родственниками, сел в машину и поехал. Когда я оглянулся, то увидел бабушку стоящей немного в стороне от других. Правой рукой она благословляла мой путь.

Ее не стало через полгода. Я работал далеко на севере, тогда еще не было сотовых телефонов, а телеграмма туда, где я был, шла со скоростью теперешнего письма. Бабушку похоронили без меня.

Когда я приехал домой в отпуск, отец рассказал мне, как ездил в деревню поправить бабушкину могилку.

По дороге с кладбища его подвез уазик, на котором ехал главный механик колхоза. Рейсовые автобусы еще не ходили из-за распутицы, и отец собирался выбраться на большак, а потом, поймав попутку, добраться до находящегося километрах в сорока райцентра Калачинск, где проходила железная дорога, и уже на электричке вернуться домой.

Сидящий рядом с водителем начальник, обернувшись к отцу и внимательно посмотрев на него, спросил:

— Из города, навестить могилку, а кого, если не секрет?

Отец ответил, и на лице главного механика появилось выражение изумления:

— А вот пацанчик тут приезжал, Игорем звали, он вам кто?

— Это мой сын, — ответил отец.

— Остановись! — скомандовал начальник и, прихватив какой-то сверток, пересел в салон, к отцу.

— Куда вы собрались ехать? — спросил он отца.

— До центра поселка, — ответил тот настороженно.

— А потом?

— Потом на попутках до Калачинска.

Главный механик обернулся к окошку водителя и скомандовал:

— Гони на Калачинск!

Ничего не понимающему отцу он пояснил:

— Да ведь Игореха — братуха мой, мы с ним в детстве в одной компании такие дела делали, закачаешься.

В свертке оказались бутылка водки, краюха хлеба, шмат сала и несколько свежих парниковых огурцов. Отец, быстро сообразив, кто перед ним, указал пальцем на огурцы и серьезно спросил:

— Не ворованные?

И они дружно рассмеялись.

Главного механика звали Владимир Иванович Казаногин.

Потом отец рассказал о судьбах моих друзей. Со слов Вовки, он единственный из нашей компании, кто остался в деревне. О Мартыне больше никто и никогда не слышал, Витька Грюканов окончил Рязанское училище ВДВ и служил в Афгане, а вот Леха утонул, ровно через год после того разорения могилы. По злой иронии судьбы его могилка совсем рядом с той, что он когда-то разорил.

— Да, и еще, ты не помнишь такого имени — Султан? — спросил отец.

Память тут же услужливо показала мне лицо чеченского пацана со злобным, крысиным оскалом.

— Так вот, он тоже учился с Витькой и какое-то время служил в Афгане.

Мне стало неприятно, и я поморщился, а отец рассмеялся:

— Вот-вот, и у твоего дружка Казаногина была точь-в-точь такая же физиономия, когда он мне это говорил.

...Тропа, ведущая через перевал, извивалась змеей между каменных осыпей. Иногда приходилось по-пластунски пролезать под нависшим камнем. Даже на лошади проехать здесь было невозможно. Поэтому группа бородатых мужчин, одетая в камуфляж и обвешанная оружием, шла пешком. Вожак группы Султан, оглядывая ко-

лучим взглядом едва заметную тропу, водил головой из стороны в сторону, словно принюхиваясь.

Сам он родился в далекой Западной Сибири и никогда не был в Чечне, но считал ее, как и весь Кавказ, своей исторической родиной. После окончания училища ВДВ служба забросила Султана в Афган, где он, воспользовавшись случаем, перебежал на сторону моджахедов, но подставлять свою шкуру под пули шурави у него желания не было. Быстро завязав нужные знакомства, он вскоре оказался среди «диких гусей» — так в Европе называли наемников. Качество подготовки в ВДВ было замечено инструкторами — и вот он уже командир группы.

Когда в зону интересов командования наемников попал бывший советский Кавказ, Султан с радостью принял предложение, за солидную плату, провести карательный рейд на территории неверных, в бывшей советской республике.

Сразу за перевалом стояла какая-то странная ментовская часть. Султан, наблюдая за ней в бинокль, не мог понять, почему все бойцы части носят офицерские погоны. На крутой спецназ они не похожи, хотя по возрасту не пацаны. Но его радовало другое — все их внимание было направлено на дорогу, а значит, на свой периметр они обращали мало внимания. Если его группе удастся пройти незамеченной, то там, впереди, всего лишь в нескольких километрах, находится поселок. Идеальная цель для джихада. А потом, когда вспыхнут дома и люди, выскакивая на улицу, будут падать на землю под автоматными очередями, как спелые колосья под серпом, в поднявшейся суматохе они без проблем смогут вернуться на свою территорию. Почти два дня Султан в бинокль изучал караульную службу и как профессионал наконец-то нашел слабое звено. Недалеко от блиндажа находился всего один пост. Если снять караульного, то можно вырезать и всех спящих в блиндаже, но это опасно. Половина бойцов не спят, а находятся в карауле, да и те, что отдыхают, не дай бог, успеют вовремя проснуться. Тогда вся его группа окажется под огнем российских пулеметов, а это смерть. Лучше прирезать одного русака и незаметно пройти в поселок, а уж там...

Султан полз, обдирая камуфляж об острые камни. Он мысленно радовался тому, что нормальных ограждений на этом участке пока не было. Не дай бог, спираль Бруно или сигнальная мина. Стоит только обнаружить себя — и вся группа попадет под перекрестный огонь соседних постов и выскочившей из блиндажа отдыхающей смены.

Его бойцы остались позади в ожидании команды. В руках у Султана тускло поблескивал длинный кинжал, подарок деда, настало его время. Караульный находился уже метрах в десяти, и Султан, как опытный воин, не сомневался в успехе. Выглянувшая на короткий миг луна осветила лицо бойца, показавшееся Султану знакомым, но времени думать и вспоминать не было. Он прополз еще несколько метров вперед и, готовясь к последнему броску, сжался, как пружина.

Под утро погода начала портиться. По уставу наш круглосуточный пост сменялся каждые два часа. Было четыре часа, и по закону подлости пришла моя очередь заступать в караул.

Время от трех до пяти утра считается самым тяжелым. Стрелки часов словно прилипают к циферблату. Веки наливаются свинцом, внутренний голос убеждает, что нет ничего страшного, если ты присядешь вон у того камня и посидишь пять минут с закрытыми глазами. Мысли становятся вязкими, сознание заторможенным. Недаром все войны и перевороты начинаются именно в это время.

Под утро с гор потянуло свежим, холодным ветерком; если стараться дышать полной грудью, то сон понемногу отступает. Вдали начали проступать контуры гор, но низкая облачность не давала им проявиться до конца, и горы тонули в мутном сумраке, как изображение на просроченной фотобумаге.

Дыша полной грудью, я уперся спиной в бетонные блоки и поднял голову. Звезды, словно смутившиеся своей наготы, под моим взглядом поспешно прятались за набегающие тучи. Месяц, перебегая от тучки к тучке, подглядывая за стеснительными звездами, позабыв свои обязанности, лишь изредка небрежно подсвечивал землю через прорехи в облаках.

Внизу, у дороги, послышался шум каменной осыпи. Наверно, какой-то зверек проявил неосторожность, а может, не зверек?

Иногда бойцы в карауле снимали автомат с предохранителя и досылали в ствол патрон. Это успокаивало натянутые нервы, но часто вызывало беспричинную стрельбу. Поэтому делать это категорически запрещалось. Но мир и война диктуют разные законы.

Я снял автомат с предохранителя и, лязгнув затвором, загнал патрон в ствол. Оглядывая ночной пейзаж, я успокоился и снова прислонился к стене, чувствуя прохладу бетонных блоков.

Я, наверно, все же уснул, потому что увидел, как ко мне подходит мой друг детства Леха и раскрывает руки в ожидании объятий.

— Леха? Но ведь ты же утонул, — удивленно сказал я.

— Ну и что? Мы все когда-нибудь уйдем из этого мира.

— Но я же еще жив.

— Ну и что? Ты пока жив.

Лицо Лехи расплылось и исчезло в лунном тумане, а из бледно мерцающего облака вдруг появилось лицо бабушки.

Я совершенно явственно услышал ее слова:

— Ты только попроси его, скажи: «Спаси и сохрани» — и больше ничего не бойся.

— Игореха, берегись! — услышал я крик Витьки.

— Игореха, проснись! — звучал в моих ушах голос Вовки.

Мартын, такой же молодой, каким я видел его много лет назад, беззвучно раскрыл рот в мольбе, смотря мне в глаза, а я читал по его губам: ну что же ты, Игореха?

Мертвый Леха вновь возник в свете лунных лучей и, как бы противясь чьей-то воле, прошептал: «Берегись!»

Весь мой «Бежин луг» шептал, кричал, просил и умолял меня о чем-то. Прогоняя наваждение, я тряхнул головой и, оттолкнувшись от бетонной стены, огляделся. Ночь по-прежнему была тепла и тиха, где-то далеко раздавались раскаты грома, пушистые облака, становясь все гуще и темнее, как и раньше, плыли по небу. Я решил обойти периметр, хотя он и так хорошо просматривался с моего места. Где-то совсем близко, в поселке, начинали брехать собаки, приближалось утро, но чувство тревоги не проходило. Повинуясь каким-то внутренним силам, я шепотом произнес: «Спаси и сохрани».

Позади меня раздался шорох камней, я резко обернулся и буквально в последний момент успел повернуть автомат в сторону летящей на меня тени с кинжалом в руке и нажать на курок.